

Соколов Д. П.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри германської філології
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара

Махонина Н. Г.,
кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри германської філології
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара

Соколова О. Д.,
асистент кафедри германської філології
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ – ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК?

Анотація. У статті розглядаються притаманні мові політики характеристики: визначається її місце серед інструментарію політичного дискурсу, диференціюються ознаки мови політики у порівнянні з ознаками професійної мови, виокремлюються функціонально-семантичні параметри мови політики взагалі та політичної лексики зокрема – абстрактність, складність, нечіткість, відносність, багатозначність, можливість множинних інтерпретацій. Стаття аргументує, що мова політики перебуває під постійним впливом професійних мов, не постаючи однією з них, і лексичний шар мови політики не можна вважати спеціалізованою термінологією. При цьому вплив спеціалізованих мов тим сильніший, чим актуальнішою є в певній ситуації відповідна тема, яку покриває той чи інший розділ спеціалізованої мови. Стаття вказує на комплексний характер мови політики та на збагачення її лексичного фонду за рахунок сфери професійного та повсякденного спілкування. Характерною рисою, що відрізняє мову політики від професійних субмов, постає притаманна лише їй система термінопонять, якими оперують суб'єкти політичного дискурсу. За допомогою мови політики здійснюється не тільки і не стільки комунікація між фахівцями. Метою будь-якої політики є здобуття влади через переконання і вплив на думку інших, причому мова політики має бути як конкретною, так і зрозумілою для широких кіл населення. Така особливість, навпаки, не притаманна мовам професійного спілкування. Терміни, які використовують політики, є зрозумілими не тільки для них, але й для «звичайних» реципієнтів, чий статус відрізняється від статусу політиків – суб'єктів політичного дискурсу.

Однією з основних характеристик політичної лексики є невизначеність – комплексна ознака, що складається з таких характеристик: абстрактність, складність, нечіткість, відносність, багатозначність і можливість множинних інтерпретацій. Політична лексика часто позначає абстрактні суспільні цінності або інші феномени загального характеру, типові для певної епохи. Вона також визначаються складністю: оскільки політика охоплює всі галузі суспільного життя, референт і денотат уживаних у політичному контексті лексем часто корелює із складними об'єктами і явищами дійсності, не доступними для безпосереднього сприйняття. Нечіткість політичної лексики проявляється передусім у контексті та утворює певні труднощі для комунікації. Відносність політичної лексики

уможливило те, що кожен з суб'єктів політичного дискурсу прагне задати власну сферу і правила вживання релевантних лексем відповідно до обраної політичної і комунікативної мети.

Отже, наявність низки формальних, змістових та функціональних параметрів мови політики не дозволяє зарахувати її до професійних мов, однак уможливило її потрапляння як особливої комунікативної явища, якому притаманні власні унікальні ознаки.

Ключові слова: політичний дискурс, мова політики, професійна мова, політична лексика.

Постановка проблеми. Политический дискурс как вербальная коммуникация, которая осуществляется в определенном социальном контексте и предметом которой является политическая жизнь [5, с. 44], является отдельным типом дискурса, сочетающим признаки экономического, дипломатического, юридического, бытового, художественного дискурса, в котором функционирует особая система способов формирования семантико-прагматического содержания.

Актуальность настоящего обсуждения обусловлена тем, что политический дискурс является сложным динамичным явлением, обладающим рядом параметров, которые требуют уточнения. Одними из наиболее характерных особенностей политического дискурса представляются границы его функционирования, идеологическая нагруженность, оперирование общественно-политической лексикой, которая подвергается изменениям в силу факторов экстралингвистической действительности, а также интенция борьбы за власть или ее сохранения [9, с. 19].

Объектом предлагаемого обсуждения является политический дискурс, а **предметом** – политический язык с присущими ему параметрами, характеристиками и лингвистическим инструментарием. Данное обсуждение стремится обобщить формальные, содержательные и функциональные параметры языка политики с **целью** определить возможность его трактовки как языка профессионального общения.

Изложение основного материала. Политический дискурс определяется как своеобразная семиотическая система, «в которой происходит модификация семантики и функций

разнотипных языковых единиц и стандартных речевых действий» [8, с. 5–6]. В этом отношении возникает ряд вопросов, например какими языковыми средствами располагает политический дискурс, можно ли интерпретировать эти языковые средства как «язык политики» и является ли этот язык профессиональным языком.

В немецкой лингвистической традиции к термину «политический язык» («politische Sprache») приравниваются такие термины, как «язык в политике» («Sprache in der Politik» – [11]) и «язык политики» («Sprache der Politik» – [14]). Так, монография Вальтера Дикманна, вышедшая в 1975 году и во многом положившая начало современному исследованию языка в политике, получила название «Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache» («Язык в политике. Введение в прагматику и семантику политического языка»). Кроме того, Вальтер Дикманн замечает, что политический язык представляет собой не столько какую-либо область грамматической и/или лексической системы, а скорее совокупность способов использования языка в политике, причем в последнем случае «политический язык охватывает все уровни языка» [12, с. 11]. Вольфганг Бергсдорф придерживается аналогичной точки зрения, употребляя термин «язык политики» (Sprache der Politik) [10, с. 130].

Что касается трактовки политического языка как профессионального языка, аналогичного юридическому или техническому языку, то на этот счет существуют различные позиции. С одной стороны, «в политическом дискурсе наблюдается конфликт двух тенденций – к понятийной точности и к смысловой неопределенности. С одной стороны, язык политики – такой же профессиональный подязык (language of special purposes, occupational variety), как, например, язык медиков, юристов, спортсменов, военных, и, будучи таковым, он должен стремиться к точности обозначения. <...> В то же время номинативная точность как свойство специального подязыка в языке политики подавляется его прагматически обусловленной смысловой неопределенностью» [8, с. 49]. С другой стороны, существенно, что ряд исследователей не отрицают специфики языка политики, однако и не приравнивают его ни к «повседневному языку» (Alltagssprache), ни к профессиональным языкам/подязыкам. Язык политики находится под постоянным влиянием профессиональных языков, не являясь одним из них, а его лексический слой нельзя считать профессиональной терминологией [12, с. 17]. При этом влияние специализированных языков тем сильнее, чем актуальнее в данной ситуации становится соответствующая тема, которую покрывает та или иная область специализированного языка.

Политик – не специальность (как, например, юрист или преподаватель), а статус. Поэтому политический дискурс вообще (и язык политики в частности) «не является исключительной прерогативой профессионалов», обладающих определенной суммой знаний, соответствующим образованием, а также пользующихся специализированной терминологией [6, с. 86].

Дополнительным аргументом в этом отношении является комплексный характер языка политики, его направленность, обогащение своего лексического фонда за счет сферы профессионального и повседневного общения.

Языку политики не присущи основные признаки профессионального языка, поскольку профессиональный язык обеспечивает, прежде всего, коммуникацию между специалистами

определенной области; кроме того, в профессиональном языке имеется «код», с помощью которого зашифровываются специальные знания, и этот код является известным в полной мере только специалистам в данной области [2; 15, с. 210].

Напротив, с помощью языка политики осуществляется не только (и не столько) коммуникация между специалистами. Целью любой политики является получение через убеждения и влияние на мнение других, причем речь субъекта политического дискурса должна быть конкретной и понятной максимально широким кругам. Такая особенность, напротив, не присуща языкам профессионального общения [10, с. 129].

Термины, которые используют политики, понятны не только им, но и «обычным» реципиентам, чей статус отличается от статуса политиков как субъектов политического дискурса [13, с. 62]. Более того, если профессиональные языки, например, ученых-физиков или математиков, призваны, в частности, анализировать и интерпретировать предметы и явления внеязыковой действительности, то язык политики имеет целью конституировать, создавать эту действительность и управлять ею через воздействие на сознание представителей целевой аудитории, общественное мнение и т. д. Язык политики – не только способ осуществления власти, это также и способ формирования мировоззрения.

В отличие от языков профессионального общения, язык политики характеризуется специфическим содержанием, а не специфической формой. С формальной точки зрения язык политики отличается лишь незначительным количеством стандартизированных выражений.

Другой особенностью языка политики, которая не позволяет причислить его к профессиональным языкам, является его универсальность, то есть способность абсорбировать знания любых отраслей. Статус политиков позволяет им не только обсуждать практически все области общественной жизни, но и активно влиять на них, так что даже наиболее удаленные от политики аспекты на время могут становиться политически релевантными [4, с. 33].

Заслуживает внимания определение языка политики, предложенное И.А. Юшковым, согласно которому он рассматривается не как профессиональный язык, а как особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации, а также «для реализации и пропаганды <...> идей, информационного влияния на членов социума (граждан) <...> в условиях существования различных взглядов в обществе» [9, с. 26].

Итак, язык политики представляет собой динамическую систему, назначение которой – интерпретация и конституирование мира. Эта система включает в себя ряд пластов – лексический, грамматический (морфология и синтаксис), фонетический и стилистический). Однако наиболее релевантным и глубоким является именно лексический слой языка политики, что объясняется несколькими причинами.

Одной из задач политика является воздействие на адресата, его убеждение, принуждение к занятию определенной позиции по актуальному вопросу, и при этом наибольшую информационную нагрузку среди всех языковых средств, находящихся в распоряжении у субъекта политического дискурса, несет лексика.

Что касается особенностей других уровней языка, например, грамматики (морфологии и синтаксиса), фонетики или

стилистических характеристик политического языка, то они выражены менее отчетливо (хотя данные аспекты также рассматриваются в качестве объекта исследования некоторых работ [1; 7]).

Вслед за А.К. Павловой, мы понимаем политическую лексику как лексику, денотативно и ассоциативно связанную с политически релевантными понятиями, которые являются предметом политической дискуссии, и используемую «для выражения политических взглядов и интересов» [6, с. 86–87]. Такая трактовка позволяет охватывать широкие пласты лексики. Основным определяющим критерием принадлежности той или иной лексической единицы к политической лексике является ее статус, определяющий правила ее функционирования в рамках политического дискурса.

Статусность выступает одним из характерных признаков политической лексики. Термин «политическая лексика» применяем исключительно к политическому дискурсу, поскольку та или иная лексема переходит в категорию политической лексики при ее актуализации в политическом дискурсе и теряет его вне политического контекста.

Следовательно, политическая лексика – это особый способ функционирования лексем в политическом дискурсе, их семантического взаимодействия и модификации. С помощью политической лексики субъекты политического дискурса не только называют/обозначают релевантные предметы и явления действительности, но и дают им оценку в соответствии со своими убеждениями и мотивами, осуществляют самоидентификацию и идентификацию позиций оппонентов.

Одной из основных характеристик политической лексики является ее неопределенность. Это комплексный параметр, состоящий из следующих характеристик: абстрактность, сложность, нечеткость, относительность, многозначность и возможность множественных интерпретаций.

Политическая лексика часто обозначает абстрактные общественные ценности или другие феномены общего характера, типичные для данной эпохи [16]: *Sicherheit, Sozialismus, Demokratie, Freiheit, Recht, Marktwirtschaft, Planwirtschaft* и т. д.

Чем более абстрактным и нечетким является значение политически релевантной лексемы, тем более разнообразными становятся ее возможные дефиниции, предложенные субъектами политического дискурса для достижения поставленной цели.

Обычно для политической лексики характерна сложная семантика. Это объясняется тем, что политика охватывает все области общественной жизни, поэтому референт и денотат употребляемых в политическом контексте лексем часто представляет собой сложные объекты и явления действительности, которые недоступны для непосредственного восприятия. Именно поэтому сложным является и сигнификат – собственно понятие, которое коррелирует с референтом и денотатом. Для понимания таких лексических единиц недостаточно простой их дефиниции. В результате осложняется не только значение политически релевантных лексем, но и их рецепция, что объясняется, в том числе, сложностью самой реальности.

Вместе с тем, в ходе анализа аспектов, влияющих на семантику политической лексики, было бы ошибкой ограничиваться только внеязыковым аспектом, поскольку язык «остается во всех этих случаях внутренне организованной структурой, смысл которой не формируется вне нее, но одновременно,

и только одновременно, с экстралингвистическим контекстом» [3, с. 32]. Следовательно, несмотря на то что многие обстоятельства, обуславливающие сложность семантики политической лексики, лежат за пределами сферы исследования лингвистики, они находят выражение и в языке, что дает возможность осуществлять полноценный лингвистический анализ факторов, определяющих значение политической лексики.

Контекст играет важную роль и в отношении следующей особенности политической лексики – нечеткости ее формы и содержания. Например, вопрос разграничения значения лексем *konservativ* и *reaktionär* сопровождается при определенных условиях (контекстуальных и коммуникативных) рядом трудностей. Семантическая нечеткость присуща всем лексемам, которые обозначают политические течения: *links, rechts, konservativ, liberal* и другие. И только в конкретном политическом контексте можно понять, к какому именно явлению объективной действительности они относятся. С точки зрения семантики нечеткость значения политической лексики приводит к тому, что даже при конкретизации семантического ядра остаются размытыми не только границы семантической периферии, но и границы ареала использования соответствующих единиц. С другой стороны, именно это делает возможным преодоление нежелательных для коммуникантов последствий данной особенности политической лексики, поскольку нечеткость ее семантики предполагает также и гибкость правил ее применения. В том или ином контексте / коммуникативной ситуации благодаря другим языковым средствам можно в достаточной степени обозначить семантику используемых лексических единиц.

Следующая черта политической лексики – ее относительность – находится во взаимосвязи с предыдущим аспектом и во многом определяется экстралингвистическими факторами, в частности плюрализмом позиций, репрезентантами которых являются субъекты политического дискурса. Каждый из них в соответствии с выбранной политической и коммуникативной цели стремится задать собственную сферу и правила употребления релевантных лексем, в контексте которых значение этих лексем конкретизируется нужным для говорящего способом.

Так, лексемы *konservativ, liberal, sozialistisch, populistisch* могут использоваться представителями различных политических партий, и получать соответствующие коннотации – вплоть до диаметрально противоположных. Окончательное значение зависит от того, кто именно обозначает свою или чужую политическую силу консервативной, либеральной или популистской. При этом каждый политик пытается очертить собственный диапазон использования этих обозначений.

Если многозначность (полисемия) присуща языковым единицам и вне политического дискурса, то многозначность при одновременной возможности множественных интерпретаций тех или иных лексем является особенностью, которая характерна в основном для политической лексики. Например, лексема *demokratisch* может употребляться в контекстах, которые представляют ее различные, но взаимосвязанные оттенки значения: «*demokratisches Verhalten am Arbeitsplatz*» и «*demokratische Wahlen*». Общей характеристикой в этом случае является положительная коннотация лексемы «*demokratisch*». В то же время, например, для обозначения государства, существовавшего на территории Восточной Германии, в ФРГ используются различные лексемы: они могут быть нейтральными (*Deutsche*

Demokratische Republik, DDR) или идеологически нагруженными, причем во втором случае идеологическая интерпретация предполагает пейоризацию значения этой лексемы (*Ostzone, Sowjetzone, sowjetisch besetzte Zone, SBZ, so genannte «DDR», «DDR»*).

Если многозначность / полисемия политической лексики представляется важным компонентом политического общения и легко нивелируется контекстом, то возможность множественных интерпретаций является серьезной нагрузкой для политической коммуникации в целом.

Выводы. Таким образом, язык политики не может в полной мере считаться профессиональным языком, поскольку он обладает уникальным комплексом формальных, содержательных и функциональных параметров, среди которых важно положение занимает политическая лексика.

Перспективой данного обсуждения считаем дифференциацию параметров политической лексики в контексте идеологизованности ее семантики.

Литература:

1. Воякина Е.Ю., Королева Л.Ю. Семантико-стилистические особенности общественно-политического дискурса. Тамбов : Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2013. 118 с.
2. Коваленко В.М. До проблеми співвідношення термінологічної та не термінологічної лексики. *Актуальні проблеми слов'янської філології. Міжвузівський збірник наукових праць «Лінгвістика та літературознавство»*. Київ-Ніжин : ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2006. № 11. Ч. 1. С. 53–56.
3. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. Москва : URSS, 2005. 147 с.
4. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация. *Политическая лингвистика*. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009. № 4 (30). С. 32–40.
5. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? *Политическая лингвистика*. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. № (1) 24. С. 43–47.
6. Павлова Е.К. Лексические аспекты дисгармонии политического дискурса. *Филологические науки*, 2008. № 1. С. 85–93.
7. Сотников А.В. Просодичні засоби актуалізації комунікативно-прагматичних інтенцій у британській політичній промові (експериментально-фонетичне дослідження) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Київ. нац. лінгв. ун-т. Київ, 2012. 274 с.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва : Гнозис, 2004. 324 с.
9. Юшковець І.А. Комунікативні стратегії і тактики в політичному дискурсі канцлерів ФРН (на матеріалі урядових заяв і політичних виступів) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Донецький національний університет. Донецьк, 2008. 215 с.
10. Bergsdorf W. Von Adenauer bis Kohl: Fahnenwörter im Spannungsfeld der deutschen Politik / O. Panagl (Hg.). *Fahnenwörter der Politik*. Wien : Böhlau, 1998. S. 127–138.
11. Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg : Winter, 1975. 147 s.
12. Dieckmann W. Deutsch: politisch – politische Sprache im Gefüge des Deutschen / J. Kilian (Hg.). *Sprache und Politik*. Mannheim : Dudenverl, 2005. S. 11–30.
13. Geißner H.K. Demokratie als sprachliche Lebensform. Ideale Sprach(gebrauchs)konzepte der parlamentarischen Demokratie / J. Kilian (Hg.). *Sprache und Politik*. Mannheim : Dudenverl, 2005. S. 57–73.
14. Girth H. *Sprache und Sprachverwendung in der Politik*. Tübingen : Niemeyer, 2002. 127 s.
15. Klein J. Insider-Lesearten. Einige Regeln zur latenten Fachkommunikation in Parteiprogrammen / J. Klein (Hg.). *Sprachstrategien und Dialogblockaden*. Berlin, New York : de Gruyter, 1996. S. 201–210.
16. Panagl O. Wortbildungen und politische Semantik / H. Stürmer (Hg.). *Politische Konzepte und verbale Strategien*. Frankfurt am Main : Lang, 2002. S. 49–62.

Sokolov D., Makhonina N., Sokolova O. Political language – professional language?

Summary. The article deals with the characteristic of political language: it determines its place among the tools of political discourse, differentiates the features of political language in comparison with the signs of the professional language, investigates the functional and semantic parameters of the political language in general and those of political vocabulary in particular – abstractness, complexity, vagueness, relativity, polysemy, the possibility of multiple interpretations. In political discourse there is a conflict of two tendencies – towards the precision used notions towards the uncertainty of meaning. On the one hand, the language of politics could be interpreted as a language of special purposes, such as the language of physicians or lawyers, and, as such, it should strive for the accuracy of any notation. At the same time, nominative accuracy as one of properties of specialized sub-languages is suppressed in the language of politics by its pragmatically conditioned semantic uncertainty. Being a politician does not imply being a specialist in the relevant professional area (as it is the case for lawyers or teachers). Being a politician is all about status. Therefore, political discourse in general (and the language of politics in particular) should be considered as a dynamic system aimed at the interpretation and construction of the reality, as well as at convincing the others, whereas the political lexis is a special way of how lexemes function in the political discourse, how they interact and modify each other.

One of the main characteristics of political vocabulary units is their uncertainty – a complex feature consisting of the following parameters: abstractness, complexity, vagueness, relativity, polysemy and the possibility of multiple interpretations. Firstly, political vocabulary often refers to abstract social values or other phenomena of general character. Secondly, since politics covers all areas of public life, the referent and denotate of the lexemes used in the political context often correlate with complex objects and phenomena of reality that are not accessible to direct perception. Thirdly, the vagueness of political vocabulary is primarily manifested in the context and creates some difficulties for communication. Finally, the relevance of the political vocabulary makes it possible for political discourse actors to set their rules for the use of relevant lexemes in accordance with the chosen political and communicative purpose.

Hence the language of politics cannot be interpreted as a professional language due to a number of formal, content-related and functional parameters, but it might be interpreted as a particular communicative phenomenon, which has its own unique features.

Key words: political discourse, language of politics, professional language, political vocabulary.